

15. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Родись я лет на десять или хоть на пять раньше, довелось бы мне, пожалуй, дом на Таврической улице найдя, подняться на верхний этаж и робко у двери позвонить. Да вот — не догадываясь я вовремя родиться и в 1910-ом, скажем, году, хоть ребенком и не был, но все еще в лад песенки жил «Дети, в школу собирайтесь», так что попасть на «Башню» не мечтал, да и попросту о ней ровно ничего не знал. Года два спустя — кончилась к тому времени Башня — уже перелистывал, однако, двухтомный сборник, по-латыни озаглавленный *Sorgardens*, «Пламенеющее сердце», куда включен был целый цикл стихов на немецком языке, и где язык всех остальных был и синтаксически осложнен и полон архаизмов, славянизмов, новообразованных составных слов и мифологических имен. Читал я эти стихи с превеликим почтением, но без настоящего восторга. Думаю, что с похожим чувством читали их и все почти люди постарше, да и не просто люди (они их и вовсе не читали), а люди литературные, в стихах искушенные и понимавшие лучше, чем птенец, только что вылупившийся из яйца, с каким мастером они имеют дело. Престиж Вячеслава Иванова среди них был непререкаем и «успех» велик; и все-таки это был тот успех, который французы называют *succes d'estime*, успех уважения, (в данном случае и преклонения), — не тот, что полагает начало все расширяющейся славе, а то и читательской влюбленности, (какая выпала в те годы на долю Блока).

Первый сборник Вячеслава Иванова «Кормчие звезды» вышел в 1902-ом году, когда ему было тридцать шесть лет (случай весьма редкий в истории стихотворства); второй «Прозрачность» — два года спустя. Ими и сведениями об их авторе, пусть и медленно проникавшими в печать, была обоснована его слава, как и намечены ее характер и ее предел. Никто, конечно, не читал его латинскую диссертацию о римском финансовом праве, напечатанную в Петербурге в 1910-ом году, но те, кому ведать надлежит, знали, что защитил он ее, окончив Берлинский университет, у Момзена, недоумевая, должно быть, почему этот блестящий эллинист не избрал себе учителем Вилламовица и не защитил у него диссертацию о

греческой религии или литературе. Греческой религией занимался он и позже долгое время, написал о ней (уже по-русски) две выдающиеся работы; до своего отъезда из России в 24-ом году был три года профессором классической филологии в новооснованном Бакинском университете.

Был он, однако, не только эллинистом (или латинистом), но и вообще самым литературно и философски образованным из всех русских литераторов тех лет, не исключая ни Мережковского, ни Брюсова, как о том свидетельствовали его статьи, собранные в книгах «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917), но в той же мере и его стихи, а для его гостей на Башне, как и для друзей многочисленных друзей, его сверкавшие пронизательным умом беседы. Ярче еще, умом они сверкали, чем широкими знаниями, которых он никогда на показ не выставлял.

Для стихотворцев, даже и ничуть не похожих на него, был он всегда открытым чужому таланту, необыкновенно внимательным и непогрешимого слуха судьей. Ходасевич рассказывал мне, что прочел ему однажды стихотворение — «Ручей» (1916), — написанное в два приема, с большим промежутком между первым шестистишием и вторым. Вячеслав Иванов не только этот перерыв угадал, но и совершенно точно указал его длительность. Собственное его стихотворное мастерство можно сравнить с безупречной и достигнувшей полной свободы техникой большого пианиста, постоянно упражняемой и поддерживаемой на максимальной высоте исполнением самых трудных, при чуть-чуть менее совершенной технике все и неисполнимых произведений. Вас расхалаживает такое сравнение? Вот и я не без холода читал те пышные два тома, как и позже «Кормчие звезды» и «Прозрачность», не такую уж (думал я) прозрачную. Но когда прочел «Нежную тайну», что-то я почувствовал другое, более непосредственное, дружеское; я этот сборник любил и, уехав из России, годами жалел, что не взял его с собой, не мог перечесть — и других, но прежде всего тех милых, непритязательных стихов, которым автор их, по-видимому, придавал наименьшее значение.

Прошло много лет. Вячеслав Иванов уехал из России в тот же год, что и я, но уехал в Рим, а не в Париж. Долгое время и слышно о нем ничего не было. В зарубежных изданиях стал он изредка печататься лишь лет через двенадцать после отъезда. Поэма «Человек», написанная еще в России, (вернее, не поэма, а цикл стихотворений, тесно между собою связанных), вышла в Париже в 39-ом году; прочел я ее холодно, да и просто, (как теперь вижу) невнимательно. Автор ее, хоть я «Нежной тайны» и не забыл, опять сделался для меня тем, чем он был для многих: фигурой очень крупной, многозначительной — но не одним из тех поэтов, без которых «жить нельзя», как Толстой сказал о Тютчеве. Мало я о нем думал, и посетил-то его в Риме, впервые с ним поговорил, (в Петербурге лишь видел его — раз или два — изредка), в последнюю почти минуту, очень незадолго уже до его кончины. А ведь и до того бывал в Риме, мог бы раньше о том похлопотать... И что ж? Встретил он меня приветливо, о книге моей, им прочтенной, упомянул. Его ум несколько не одряхлел, беседа его была жива, облик благостен. Одно меня в этом облике удивило — очки его, с небольшими овальными стеклами в стальной оправе, совершенно такие же, как у Тютчева (то есть, на чаще всего воспроизводимой фотографии Тютчева, да и на других). Для тех давних лет, это были обыкновенные очки; но нынче, откуда это он достал такие? Увы, спускаясь с Авентинского холма, думал я не только о ласковом его приеме, и о том, что всего верней, не увижу его больше никогда, но и о том, не подобрал ли он нарочно эти очки к тютчевским своим сединам.

Как будто не мог он их унаследовать, сохранить с юных дней. Что за мелкие, суетные мысли!

Опять пролетело время; десятилетия прошли; и когда вспоминаю, не могу себе мыслей этих простить. Тем менее могу, что с тех пор вернулось ко мне и все усиливаться стало то чувство, которое «Нежная тайна» некогда во мне вызвала. Я прочел «Младенчество», онегинской строфой написанную автобиографическую поэму, ускользнувшую от меня в 18-ом году, когда ее в Петербурге издал «Алконост»; и я прочел «Свет вечерний», книгу, вышедшую в Оксфорде в

62-ом году, где собраны стихи Вячеслава Иванова, написанные в Риме, а также в России после «Нежной тайны». И не просто прочел я «Младенчество», я его перечитывал с умилением много раз. Не просто прочел «Свет вечерний», а полюбил и «Зимние сонеты», и «Римские сонеты», и всего больше «Римский дневник 44-го года». Как было бы хорошо иметь его отдельной книжечкой в мягком переплете, брать с собой в дорогу, держать на ночном столе. Не стариковские это стихи, но в них есть, даруемая старости больших мастеров, мудрость и просветленность. И поэзия в них есть, — та самая, что врождена была этому мастеру, и сквозила в его мастерстве всегда, но теперь совлекла с себя слишком сложные, любомудрием и преданием отягченные уборы, и стала ошутимей, добрей; к малости нашей тихо и мирно снизошла. Подлинна эта поэзия и драгоценна; огромное прошлое впитано ею; но все оно теперь, как вода в глубоком колодезе, а сама поэзия, как луч солнца на поверхности воды. Надо, мне кажется, раз стихи эти есть, с них начинать знакомство с Вячеславом Ивановым. А если знакомство с ним России, пусть хотя бы к концу нашего века, так и не возобновится, — увы, лишится она большого богатства, от наследства откажется, которое, не то, чтобы по праву, но по милости небес, ей принадлежит.

О ТЕХ, КОГО УЖЕ НЕТ

16. Вячеслава Великолепного *opera omnia*

Очень метко озаглавил некогда Лев Шестов свою статью о Вячеславе Иванове «Вячеслав Великолепный». Крупицу иронии вложил он все-таки в медийское это прозвище, немножко яду подбавил к широкой своей похвале. Но другие наступили времена, и спрашивать себя приходится теперь не о границах великолепия — этого или любого — а скорее о том, кто нынче, у нас в стране, именно это великолепие способен будет почувствовать и тем более, со знанием дела, оценить. Читают ли там нашего Европой давно оцененного гуманиста, поэта, философа религии и поэзии? Боятся ли к чтению приступить? Или попросту думают, что вовсе нам не нужны «культурники» столь редкостного размера? Десять лет назад, столетнюю годовщину со дня его рождения никто как будто на родине его не помянул. И нынче о сто десятой навряд ли кто-нибудь вспомнит, хотя и предвзврил ее второй том монументального Собрания Сочинений, издаваемого, правда, хоть и на русском языке, но в Брюсселе, а не в Москве.

Отчего же не в Москве? спросит меня простодушный иностранец. «Много будете знать, скоро состаритесь», отвечу я ему, а потом, пожалуй, прибавлю: «Для будущего издается, а в Москве о такого рода будущем думать не хотят и не ведают».

Изданием руководят сын Вячеслава Иванова, Димитрий и О. А. Дешарт (Ольга Александровна Шор). Ее перу принадлежат занявшее двести двад-

цать страниц введение к первому тому и обширные примечания в обоих томах, содержащие множество драгоценных сведений о поэте, о каждом из его произведений, о его близких, о его многочисленных и знаменитых чаще всего друзьях, так что издание это — дай только ей Бог довести его до конца — будет не только собранием сочинений одного из самых выдающихся русских творческих людей первой половины нашего столетия, но и настоящей энциклопедией тех двух десятилетий, что названы были «серебряным веком», а для многих областей русской жизни могли бы зваться и золотым.

Держу этот синий том в руках и радуюсь, как его предшественнику радовался, с которым он теперь рядом будет стоять на моей полке. Уважение — чувство радостное. Я радостно уважаю и автора всего того, что собрано в этих двух томах, и тех близких ему людей, кто самоотверженным трудом осуществили их издание. Уважаю и благодарю. Решусь даже, безо всяких полномочий, от имени России их поблагодарить, веруя, что в будущем поблагодарит их она сама, но зная, что от нынешних ее хозяев они доброго слова не услышат. Ведь это почти чудо, что тома эти увидели свет, что за ними последуют другие, что Россия не будет лишена этой части своего наследия. Сразу, конечно она во владение им не вступит, и не только потому, что тупое и сварливое начальство не перестанет этому препятствовать, но и потому, что

не остались безуспешными его старания понизить культурный уровень даже и дипломами снабженных россиян до своего собственного зауряд-марксистского. Боюсь, что даже и Западу мастер этот и мудрец стал нынче более чужд, да и попросту менее понятен, чем был при жизни, поскольку и Запад пренебрегать научился своим прошлым, стремясь к уравнению, невозможному без унижения.

Помню как французский критик Шарль Дю Бос, человек очень широкого европейского кругозора (но по-русски все-таки не знавший) говорил мне сорок с лишним лет назад о том глубоком впечатлении, которое произвела на него встреча с Вячеславом Ивановым, одним из последних, по его словам, европейских гуманистов. Слово этому придавал он конечно его полный и сильный смысл, к оказательству гуманных чувств отнюдь не сводимый. Предисловие он написал к французскому переводу «Переписки из двух углов» (Вячеслава Иванова и Гершензона), книжечка, которую столь же высоко оценили знаменитый немецкий филолог и критик Эрнст-Роберт Курциус и знаменитый испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет, напечатанный в своем журнале *Rovista de Occidente* (по-немецки, по-французски и по-итальянски она вышла отдельным изданием, как и позже по-английски). Немецкая книга Вячеслава Иванова о Достоевском (полный текст, которой по-русски еще не опубликован) вышла в 32-ом году, а два года спустя итальянский журнал *Il Convvegno* выпустил специальный номер, посвященный Вячеславу Иванову, при его участии и при

участии разноплеменных его почитателей и друзей: редактора этого журнала Алессандро Пеллегрини, редактора немецкого (в Швейцарии выходившего) журнала «Корона» Герберта Штейнера (где Иванов печатался), Эрнста-Роберта Курциуса, французского мыслителя и драматурга Габриэля Марселя, а также старых русских, но уже не в России проживавших друзей и почитателей поэта — Ф. Ф. Зелинского и Ф. А. Степуна. Биографическая заметка о нем уже тогда была составлена Ольгой Александровной Шор (за подписью О. Дешарт). Я отметил в свое время выход этой книги в парижской газете «Последние Новости»...

Прошло сорок лет. 16 июля 1949-го года умер Вячеслав Иванов в Риме; но душеприказчики его живы, к счастью, и теперь. Синий том передо мной, — второй. Радуюсь ему. Доживу до третьего — порадуюсь третьему. Всего их будет, по видимому, четыре. А вместе с тем и странное — да и грустное — овладевает мною чувство. Выпадаю как-то из времени. Слишком поздно родился. На «Башне» у Вячеслава Великолепного не побывал. Великолепие его чувствовал, но схвачен им «за живое» не был. А вместе с тем и слишком рано родился: *Cor Ardens* двухтомный (который в нынешнем втором томе воспроизведен) тотчас купил, когда он вышел и читал с увлечением. Шестнадцать лет мне было. Совсем современной мне, как стихи Мандельштама, Ахматовой, Гумилева, — да и Блока, книгу эту я все-таки не чувствовал. А теперь раскрываю, и как современник все-таки читаю, не могу отодвинуть ее полностью в историю. И статьи перечитываю с прежним ощущением их верности в главном, но и обремененности их превысшенной и не-

достаточно четкой системой понятий, без которых они, если бы того автор пожелал, прекрасно могли бы обойтись. Это потребовало бы не упрощения мысли, а только совлечения с нее слишком пышного, слишком иератического наряда. Нет, слишком рано я родился. Если бы мне было теперь вдвое меньше лет, я подождал бы выхода последнего тома нынешнего издания, прочел бы без предвзятостей, как если бы читал впервые все написанное этим нашим «последним гуманистом» в прозе и стихах — многое бы и действительно впервые прочел, потому что появилось уже и много появится в толстых этих томах неизданного — и написал бы книгу — очень нужную книгу, которую, не помолодев, не сумею написать.

Но верю — будет книга такая написана, и хочу верить, что будет написана русским. Фундамент для этой работы возведен или на пути к тому, чтобы оказаться полностью возведенным, а работа, о которой говорю, нужна России, — если не нынешней, истерзанной, захудалой, оторванной от столь многого в своем прошлом, то будущей, которая процветет только найдя путь к тому, чего она нынче лишена.

В. Вейдле